

Р. А. Говорухо

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ПИКОВОЙ ДАМЫ» И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИДИОМАТИЧНОСТЬ

1. Вводные замечания

1.1 «Как «Пиковая дама» сложна! Слои на слое» [Чуковская 1996, 15], эти слова А. А. Ахматовой точно характеризуют одно из наиболее сложных и загадочных произведений А. С. Пушкина. Сложность нарративной структуры повести заключается прежде всего в постоянном взаимодействии голосов персонажей и голоса повествователя. Неявное присутствие личностного, авторского начала обнаруживается уже на уровне выбора языковых средств и имеет большое значение для правильного понимания смысла произведения. Очевидно, что при переводе текста на другой язык, т.е. при его «перекодировании», этот смысл не всегда можно передать, это касается даже тех случаев, когда «буквальный» перевод, казалось бы, вполне возможен. Например, фраза, характеризующая Германна в начале четвертой главы: «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков», – легко может быть переведена на французский, английский или, например, итальянский язык. В то же время, как убедительно показали О. Меерсон и И. Микаэлян, в данном случае мы имеем дело с соположением двух конструкций: славянизма и галлицизма, и шире – со столкновением двух типов дискурса, причем «форма дискурса полностью совпадает с содержанием: про веру – перевод с церковно-славянского, а про предрассудки – с французского» [Меерсон, Микаэлян 2003, 44]. Существенно при этом, что, по признанию авторов статьи, именно «попытка обратного перевода» заставила их обратить внимание на «странность пушкинской фразы, по крайней мере для современного уха» и дала «тему для размышлений» [idem, 38].

1.2. В основе данной работы лежит сопоставительный анализ текста «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и его восьми переводов на итальянский язык. Самый ранний перевод был выполнен Леоне Гинзбургом в тридцатых годах прошлого века (перевод 1) и переиздан в составе собрания сочинений А. С. Пушкина в серии «I Meridiani» издательства Mondadori. В 1942 году выходит перевод Бруно Дель Ре (перевод 2), а шесть лет спустя свою версию пушкинской повести предложил выдающийся итальянский писатель Томмазо Ландольфи (перевод 3). В пятидесятых годах появился перевод известного русиста Этторе Ло Гатто (перевод 4), а также перевод Сильвио Полледро, затем много раз переиздававшийся в серии BUR Classici с параллельным русским текстом и с предисловием известного исследователя русской литературы Э. Баццарелли (перевод 5). К восьмидесятым годам относится перевод Розы Молтени Гриеко, вошедший в сборник пушкинской прозы, увидевший свет в издательстве Alberto Peruzzo (перевод 6). Ещё одно издание с параллельным русским текстом появилось в издательстве Marsilio в 1998 г. в переводе Клары Страда Янович (перевод 7). Наконец, последний из известных нам переводов сделан писателем и переводчиком Паоло Нори в 2006 г. (перевод 8) [О других переводах «Пиковой дамы» на итальянский язык см. Карданова 1999].

1.3. В задачу данной работы не входит выявление художественных достоинств и недостатков указанных переводов. Отметим лишь, что все переводчики в целом достаточно бережно отнеслись к пушкинскому тексту, старались точно следовать оригиналу, как в лексическом, так и в синтаксическом отношении. Тем больший интерес представляют встречающиеся расхождения между оригиналом и переводами, которые позволяют обратить внимание на различия, существующие в системе и в речевом узусе («норме речи») двух языков, показать какими средствами пользуются эти два языка при описании одной определенной ситуации.

1.4. Особенность текста оригинала состоит в том, что он является авторским, литературным текстом и как таковой обладает значительным стилистическим своеобразием. Это своеобразие подробно проанализировано в классической работе В. В. Виноградова «Стиль Пиковой дамы», на выводы которого мы в значительной степени

опирались при сопоставлении текстов. Кроме того, несмотря на то, что язык Пушкина практически не устарел и принципиально не отличается от современной нормы, некоторые конструкции «Пиковой дамы», как отмечает Д. О. Добровольский, позволяют «говорить о заметной динамике узуса в русском языке», которая заключается «в предпочтительности тех или иных конструкций, того или иного порядка слов или изменения, связанные с различным фокусированием определенных частей семантической структуры, с появлением или стиранием тех или иных импликатур дискурса и т. п.» [ср. Добровольский 2001, 162-165]. Вопрос о том, в какой мере в итальянских переводах удалось заметить и отразить эту специфику пушкинского текста, также заслуживает внимания.

1.5. В работе не рассматриваются очевидные грамматические расхождения, то есть те случаи, когда обязательная замена конструкции вызвана различием в языковой системе (ср.: вместо туза у него стояла пиковая дама / *invece dell'asso egli aveva la donna di picche*). За рамками данной статьи остается и анализ лексико-семантических расхождений в переводах, оценка выбора переводчиком той или иной лексемы и её соответствия оригиналу. Внимание будет обращено прежде всего на те фрагменты, в переводе которых, казалось бы, можно было сохранить структуру пушкинского текста, но этого по каким-то причинам не произошло. Причем подобные «отступления» часто наблюдаются не во всех переводах, и в этом случае существенным критерием были «количественный» фактор, а также учет мнения информантов. Так, например, при переводе фразы: «Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другую катились к освещенному подъезду», – лишь в одном случае из восьми сохраняется синтаксическая структура и порядок слов оригинала:

La via era ingombra di cocchi; le carrozze una dietro l'altra rotolavano verso un ingresso illuminato. (5)

В то же время сохранение порядка слов во второй части фразы, при котором разбивается субъектно-предикатная группа, придает итальянскому высказыванию отсутствующую в оригинале стилистическую отмеченность, поскольку в русском языке невыделенное обстоятельство образа действия, как правило, предшествует глаголу, тогда как в итальянском нейтральной является постпозиция обстоя-

тельства. Закономерно, поэтому, что в четырех переводах наблюдается перемещение обстоятельства. Ср.:

La strada (la via) era ingombra di carrozze. Le vetture (le carrozze) sfilavano (si muovevano, andavano, rotolavano) una dietro l'altra verso l'ingresso (il portone) illuminato. (1,6,7,8)¹

Три переводчика меняют синтаксическую структуру фразы: наличие сопряженных кореферентных номинаций не характерно для итальянского текста, поэтому второй элемент заменяется относительным местоимением, бессоюзие уступает место подчинению:

La strada (la via) era ingombra d'attacchi (di carrozze) che uno dietro l'altro (una dopo l'altra) avanzavano verso (si fermavano davanti a) l'ingresso illuminato. (3, 2)

La via era ingombra di carrozze signorili, che andavano una dietro l'altra verso l'ingresso illuminato. (4)

Прономинализация подлежащего делает более допустимой позицию обстоятельства (переводы 2, 3), хотя в переводе (4) оно и в этом случае стоит после глагола.

Примеры подобных трансформаций, которые на первый взгляд являются результатом «свободного выбора» переводчиков, позволяют продемонстрировать расхождения, существующие в грамматической структуре и речевой норме двух языков.

2. Структурная полнота глагольной группы

2.1. Первая группа примеров связана с расхождениями, обусловленными тем репертуаром грамматических средств, которыми располагает система русского и итальянского языков. Значительные системные различия наблюдаются в сфере личных местоимений [см. подробнее Govoruchо 2003]. Так, объектные безударные местоимения заполняют в итальянском тексте обе синтаксические валентности, русский же язык избегает одновременного употребления местоимений (в винительном и дательном падежах) при одном глаголе. В разговорной русской речи при ясности ситуации в норме опускаются оба местоимения. Ср.:

– А разве есть русские романы?.. Пришли Ø, батюшка, пожалуй-

¹ При совпадении вариантов перевода мы будем давать лишь один вариант, отмечая в скобках встречающиеся лексические отклонения.

ста пришли Ø!

[Ma ci son forse dei romanzi russi?...] Mandamene, batjuška, mandamene per favore! (1)

Mandalì, caro, mandalì senz'altro, per favore! (2) Portalì, amico, portalì per favore! (3)

Mandamene, batjuška, mandamene, ti prego. (4) Mandameli, batjuška, ti prego, mandameli! (5)

Fammeli avere, cuore mio, fammeli avere subito, te ne prego! (6) Mandamene uno, caro, mandamelo, per piacere. (7) Mandamene, babbino, mandamene, per favore! (8)

В системе итальянского языка есть две серии личных местоимений (автономные и неавтономные), тогда как в русском – только одна, изменяющаяся по падежам и имеющая выделенный или невыделенный коммуникативный статус в зависимости от синтаксической позиции. Кроме того, в разговорном итальянском языке отсутствует специальное анафорическое местоимение для неодушевленных предметов, и данную функцию, как правило, берет на себя демонстратив [см. Renzi 1988,624]. Указанные различия делают невозможной точную передачу на итальянский язык анафорического предложного сочетания *в нем* в следующем примере:

Гроб стоял на богатом катафалке под бархатным балдахином. Усопшая лежала *в нем* с руками, сложенными на груди...

Падежная форма *в нем* является безударным сирконстантом и передается на итальянский язык клитиком местного падежа *vi*, либо (перевод б) интерпретируется переводчиком как ударная наречная форма *qui*, либо опускается (перевод 2).

La bara (il feretro) stava (era posta) su un ricco catafalco sotto un baldacchino di velluto. La defunta *vi* giaceva con le mani (le braccia) incrociate (conserte) sul petto... (1, 3, 4, 5,7,8)

La defunta giaceva *qui* con le mani incrociate sul petto... (6)

La morta Ø giaceva con le mani conserte sul petto...(2)

2.2. Следующее наблюдение касается дейктических элементов текста. Как в русском, так и в итальянском языке, есть дейктические местоименные наречия, указывающие на близость / удаленность от говорящего. В итальянском языке это оппозиция *qui, qua* (близость) – *lì, là* (удаленность). В русском существует оппозиция

тут – там, но есть и наречие *здесь*, указывающее исключительно на проксимальность. В итальянском тексте наблюдается более строгое согласование дейктических элементов, что, по-видимому, связано с общим правилом согласования (в том числе и согласования времен) как проявления большей связности и, в конечном итоге, иерархичности текста. Ср.:

Привези мне его прямо на бал и *мун* мне его и представишь.

Portamelo (conducimelo) direttamente al ballo, e *là* (*li*) me lo presenterai. (1,3,4,5,7)

Portalo direttamente al ballo e presentamelo *li* (*là*). (6,8)

Portalo al ballo e me lo presenterai *allora*. (2)

Как мы видим, итальянский текст допускает только нарративный режим интерпретации [см. Падучева 1996, 265-269], при котором наречная форма интерпретируется исключительно анафорически.

3. Проблема субъекта повествования

Вторая группа примеров касается нормативных ограничений, существующих в двух языках, при употреблении формально совпадающих грамматических форм. Эти ограничения, способные оказывать влияние на выбор говорящим той или иной формы [Алисова 1971, 124-125], заметны прежде всего при сопоставлении различных способов устранения информации о семантическом субъекте.

Своеобразие повествования в «Пиковой даме» состоит в том, что рассказчик не отрешен от воспроизводимых событий, но часто субъективно их сопереживает, принимает в них активное участие. В. В. Виноградов говорит о том, что в повести «образ субъекта также неуловим, противоречив и загадочен, как сама действительность повествования» [Виноградов 1980, 210]. Это становится очевидным уже в первых строках повести:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра.

По наблюдению В. В. Виноградова, повествователь, прямо не обозначенный, выступает в этом эпизоде как один из участников действия. Повтор неопределенно-личных форм, их постановка в начале предложений, отсутствие указания на субъект действия при

переходе к новой теме – *играли, сели ужинать*, повествовательный акцент на наречии *незаметно* в постпозиции создают иллюзию принадлежности рассказчика к описываемому обществу [ibid., 203]. Анализ переводов приведенного фрагмента показывает, что различия в системах двух языков затрудняют возможность точно передать в итальянском переводе этот оттенок смысла, что в первую очередь связано с различием функционирования форм 3 л. мн. ч. в русском и в итальянском языках. В русском языке конструкции 3 л. мн. ч. могут иметь как обобщенный субъект, так и неопределенный субъект точно локализованного во времени и в пространстве действия. Ср.: *Так не поступают – Я стучал, но мне не открыли*. В итальянском же языке форма 3 л. мн. ч. для обозначения нейтрального или обобщенного субъекта не употребляется, за исключением глагола *dire* (*dicono* – *говорят*) [ср. Алисова, 119]. В пушкинском тексте действие точно локализовано, но поскольку в русском языке в прошедшем времени нет противопоставления по лицам, предикаты *играли, сели* из приведенного выше примера могут относиться как к 3-му, так и к 1-му лицу: *мы играли / они играли*. В итальянском же языке соответствующие формы *giocavano / si sedettero* однозначно относятся к третьему лицу: *они играли / они сели*, то есть в коллективный субъект данных форм не входит говорящий. Отсюда – неточность переводов (3, 6, 8), в (6) к тому же во второй фразе вводится субъект *i giocatori* – *игроки*, также исключаящий говорящего из числа участников действия. Ср.:

Giocavano una volta a carte da Narumov, delle guardie a cavallo. La lunga notte invernale passò insensibilmente; alle cinque del mattino si misero a cena. (3)

Quel giorno giocavano a carte in casa di Narumov, un ufficiale della Guardia a cavallo. La lunga notte invernale passò senza che *i giocatori* se ne accorgessero, e *si sedettero* a cenare alle cinque del mattino (6)

Una volta avevano giocato a carte dalla guardia a cavallo Narumov. La lunga notte invernale era passata inavvertitamente; si eran seduti a cena dopo le quattro del mattino. (8)

В остальных переводах первый предикат стоит в рефлексивной форме, что дает возможность включить говорящего в число действующих лиц, поскольку в итальянском языке именно возвратная

форма нейтрализации сведений о субъекте может иметь в качестве денотата говорящего и его компанию (=мы). Однако в вариантах (2, 4, 5) форма 3 л. мн. ч. во второй фразе (а в переводе 2 и подлежащее *gli ospiti*) блокирует подобную интерпретацию:

Si giocava, una sera, in casa di Narumov, un ufficiale della guardia. La lunga notte invernale era trascorsa inavvertitamente: verso le cinque del mattino *gli ospiti sedettero* a tavola. (2)

Si giocava un giorno a carte da Narumov, ufficiale della Guardia a cavallo. La lunga notte invernale passo inavvertitamente; *sedettero* a cena alle cinque del mattino. (4)

Una volta *si giocava* a carte dalla guardia a cavallo Narumov. La lunga notte invernale passò insensibilmente; *sedettero* a cenare dopo le quattro del mattino. (5)

Оправданным решением представляется осуществленный в переводе (1) полный отказ от формы 3 л. мн. ч. в пользу рефлексивной формы, предполагающей включение говорящего в число лиц, производящих действие:

Un giorno *si giocava* a carte da Narumov, della guardia a cavallo. La lunga notte invernale passò inavvertitamente; *ci si mise* a cena dopo le quattro del mattino. (1)

В то же время употребление формы *ci si mise* предопределяет, по мнению опрошенных информантов, облигаторное включение говорящего в число участников описываемой сцены, тогда как в исходном тексте участие рассказчика лишь подразумевается. Определенную роль при этом, видимо, играет существующая омонимия местоимения *ci* – показателя устранения информации о субъекте при возвратном глаголе, и клитики личного местоимения 1 л. мн. ч. Избежать опасности подобной однозначной интерпретации удалось в переводе (7), где вторая неопределенно-личная форма *сели ужинать* подверглась субъектно-объектной трансформации и переведена пассивной конструкцией *fu servita la cena* – был накрыт ужин:

Si giocava un giorno a carte in casa di Narumov, ufficiale della guardia a cavallo. Una lunga notte d'inverno era trascorsa senza che nessuno se ne accorgesse; quando *fu servita* la cena erano le quattro passate. (7)

Таким образом, если в варианте (1) повторяется столь важный для пушкинского стиля параллелизм синтаксических форм, то в варианте (7), благодаря синтаксической трансформации, удалось сохранить «неуловимость» субъекта, передать его «незримое» присутствие в ткани повествования.

4. Коммуникативное оформление высказывания и субъектно-объектные отношения

4.1. Другого рода сложности возникают при передаче на итальянский язык форм 3 л. мн. ч. с прямым дополнением, где существенным представляется коммуникативное оформление высказывания. Ср.:

I) Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою.

II) В то же самое время Лизавету Ивановну вынесли в обмороке на паперть.

Устраненная позиция подлежащего здесь как бы заполняется препозитивным дополнением – темой сообщения. В русском языке возможна как препозиция, так и постпозиция дополнения: *свечи вынесли / вынесли свечи*, причем в обоих случаях сохраняется определенный референтный статус именной группы. В случае постпозиции дополнение в русской фразе коммуникативно выделено и входит в рему высказывания. В случае препозиции, порядок слов – нейтральный. В итальянском языке в несегментированном предложении дополнение не может стоять до подлежащего, поэтому в четырех переводах примера а) при выборе той же, что и в оригинале, формы 3 л. мн. ч., порядок слов меняется:

Portarono via le candele: la camera (la stanza) rimase (fu di nuovo) illuminata (rischiarata) dalla sola lampada. (1,5,6,8)

Среди переводов примера б) такая трансформация присутствует в шести случаях:

[Nello stesso tempo] *portaron* fuori sul sagrato Lizaveta Ivanovna svenuta (1); <...> *portavano* sul sagrato Lizaveta Ivanovna svenuta (3); <...> *portarono* fuori, nell'atrio della chiesa, Lizaveta Ivanovna svenuta (4); <...> *portarono* Lizaveta Ivanovna, svenuta, fuori sul sagrato (5); <...> *portarono* nell'atrio della chiesa Lizaveta Ivanovna che era svenuta (6); <...> *portavano* Lizaveta Ivanovna priva di sensi sul terrazzino (8).

Препозиция дополнения в русском оригинале фокусирует внима-

ние на объекте, вынесение же на первое место глагола, закономерно ведет к усилению агентивной составляющей. В переводах (3,4) в примере I), и в переводах (2,7) в обоих примерах выбрана пассивная трансформация, при которой, однако, устраняется даже чисто грамматическое (в виде глагольного окончания) указание на Агенс:

a)... Le candele furono portate via, (e) la stanza rimase (fu) di nuovo rischiarata solo dalla lampada (illuminata dal solo lume) davanti alle icone. (2, 7)

... in quello stesso istante Lizaveta Ivanovna veniva portata fuori dalla chiesa, svenuta. (2)

б) Furon portati via i candelieri, e di nuovo la stanza non fu illuminata che dalla lampada d'oro.(3) Furono portate via le candele; la camera rimase illuminata dalla sola lampada. (4)

In quello stesso momento fu portata fuori sul sagrato Lizaveta Ivanovna, svenuta.(7)

Страдательная конструкция сама по себе не связана с определенным коммуникативным членением, и потому ее функция не сводится к установлению соответствия между темой и подлежащим предложения, которое при пассивной конструкции и в русском и в итальянском языках может находиться как в составе темы (пример а), так и в составе ремы (пример б).

Итак, страдательная конструкция и неопределенно-личная форма глагола третьего лица множественного числа являются грамматическими формами устранения информации о субъекте действия как в русском, так и в итальянском языках. В русском языке форма третьего лица переходного глагола употребляется во всех стилистических регистрах, тогда как пассивная форма имеет более формальный и книжный оттенок. Кроме того, пассивная форма обычно выбирается как в русском, так и в итальянском языке для того, чтобы дать информацию о результате некоторого действия, а не о самом действии.

4.2. Ещё одну возможность трансформации формы 3 л. мн. ч. иллюстрируют переводы следующего примера, формально идентичного предыдущим.

Наконец карету подали.

Среди переводов мы встречаем лишь одну пассивную трансфор-

мацию:

Finalmente *fu portata davanti* all'ingresso la carrozza della contessa. (4)

В двух случаях (5, 8) сохраняется форма 3 л. мн. ч., но в обязательной препозиции по отношению к дополнению в отличие от оригинала:

Infine *fecero avanzare* / finalmente *prepararono* la carrozza della contessa. (5, 8)

Отличие данного русского примера от предыдущих заключается в его семантической структуре. Если *свечи* и *Лизавета Ивановна* являются собственно объектами, с которыми неназванные лица производят действия, то *каре́та* сама осуществляет действие, хотя и при помощи постороннего воздействия Агенса. Следуя упомянутой речевой тенденции к употреблению агентивных конструкций в итальянском тексте, переводчики в полной мере пользуются возможностью вынести на первый план само действие:

Finalmente *arrivò (venne)* la carrozza (la vettura) della contessa. (1, 6) Finalmente *apparve* la carrozza della contessa. (2, 7), и с ИГ *каре́та* – темой: Finalmente *la carrozza* della contessa avanzò. (3)

В этих переводах полностью устраняются следы закадрового Агенса, «подающего» карету, и на первый план выходит сам факт «приезда» или «появления» кареты, причем, в переводах (2, 7) вводится позиция Наблюдателя – Германна, глазами которого мы видим всю сцену.

4.3. Ещё одна группа примеров связана с проблемой передачи стилистически маркированных высказываний. Если препозиция дополнения во фразах *свечи вынесли*, *каре́ту подали* является коммуникативно обусловленным авторским выбором, то препозиция подлежащего в бытийном предложении является нарушением современного узуса, и очевидно демонстрирует влияние синтаксиса французского языка на язык Пушкина. В то же время такой порядок слов позволяет автору создать еще один вид параллелизма, который В.В. Виноградов называет «шутливым» [Виноградов 1980, 204], имея в виду, прежде всего, семантику форм:

Но *шампанское явилось*, разговор оживился, и все приняли в нем участие.

Отметим, что для итальянского языка такая препозиция с иначе-зативным глаголом также формально допустима: (*Ma lo champagne arrivò...*), но, тем не менее, во всех восьми переводах порядок слов меняется на нейтральный:

Ma comparve (era comparso) (arrivò) (portarono) (fu portato) lo champagne (lo sciampagna): (,) la conversazione si animò (si era animata) (si ravvivò), e tutti vi presero (avevano preso) parte, (parteciparono). (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8)

Приведем ещё один аналогичный пример из русского текста:

Слуга вошел и подал графине книги от князя ... Павла Александровича.

Препозиция подлежащего–Агенса в предложении с глаголом движения автоматически заставляет интерпретировать его как обладающего определенным референтным статусом, в то время как в пушкинском тексте о слуге упоминается впервые, то есть ИГ слуга является новой информацией для Адресата. В трех итальянских переводах, сохраняющих порядок слов оригинала, неопределенный статус дескрипции обозначен артиклем:

Un domestico (un servo) entrò e diede (porse) alla contessa dei libri da parte del principe Pavel Aleksandrovič. (1,7,8)

Для итальянского языка, в отличие от французского, такая конструкция считается отмеченной. Как мы видим, презентация подлежащего как «новой информации» осуществляется в переводах (1,7,8) лишь в пределах синтаксической группы имени – с помощью неопределенного артикля, а не в конструкции предложения. В переводе (6) возникает противоречие между коммуникативной новизной понятия и его грамматическим показателем – определенным артиклем:

Il servitore entrò e consegnò alla contessa i libri da parte del principe... (6)

Наконец, в четырех случаях, при сохранении неопределенного референтного статуса имени, делается естественная в этих условиях инверсия подлежащего, не позволяющая, однако, уловить специфику оригинала:

Entrò un servo (servitore) e presentò (porse) alla contessa dei libri da parte del principe ... (2,3,4,5)

4.4. При подлежащем, выраженном абстрактным именем в бы-

тийном предложении порядок подлежащее – сказуемое допускает оба варианта как в русском так и в итальянском языках. Ср.:

Глубокое молчание царствовало кругом.

Un silenzio profondo (profondo silenzio) regnava intorno (attorno) (nella stanza). (2,3,4,6,8)

Intorno regnava un profondo silenzio. (1,5,7)

Характерно, что и в этом случае в трех переводах из восьми выбирается постпозиция подлежащего, то есть у переводчика есть возможность следовать как индивидуальному стилю писателя, так и коллективной «речевой норме», используя более привычную интродуктивную конструкцию. То же можно наблюдать и в разбираемом далее эпизоде передачи письма Германном, где помещение неопределенной дескрипции в позицию «данного» является очевидным галлицизмом в тексте оригинала:

... молодой человек исчез:... письмо осталось в её руке.

Экспрессивный характер такого порядка слов заключается в том, что письмо, о котором упоминается впервые (не считая французского эпиграфа к главе) стоит в позиции Данного, известного. В этом – явное нарушение логического принципа изложения событий. Основание для подобного «смещения» можно усмотреть в том, что тема письма – смысловая доминанта всей первой половины главы (на следующих трех страницах лексемы письмо, записка встречаются 18 раз). Ни в одном из переводов неопределенный статус дескрипции не подвергается сомнению. В половине случаев этот статус отмечен лишь внутри именной группы, то есть сохраняется порядок слов оригинала. Ср.:

e una lettera rimase nella mano della ragazza. (2) una lettera le rimase in mano. (4)

una lettera era rimasta nella mano di lei. (5) una lettera le era rimasta in mano. (8)

В четырех переводах неопределенный статус дескрипции отмечен дважды: неопределенным артиклем и при помощи синтаксической конструкции с инверсией подлежащего:

nella mano di lei rimase una lettera (1) ma le restava in mano una lettera (3)

le rimase in mano una lettera (6) in mano le restò una lettera (7)

4.5. Итак, в пушкинской повести господствует определенный порядок слов, при котором подлежащее предшествует сказуемому, и шире – тема, предмет речи предшествует реме: *шампанское явилось, слуга вошел, письмо осталось, три девушки окружали её, глубокое молчание царствовало, свечи вынесли, Лизавету Ивановну вынесли, карету подали...* В некоторых случаях подобные конструкции воспринимаются как не вполне нормативные с точки зрения современного узуса. В то же время такой порядок слов идентичен соседним вполне нормативным синтагмам: *комната осветилась, разговор оживился, молодой человек исчез* и т.д. Именно это придает пушкинской прозе, как отмечает В. В. Виноградов, «необыкновенную логическую прозрачность и математически измеренную стройность словесного состава. Нормы порядка слов были строго закреплены. Типические формы синтагм оказались вполне сложившимися. Пушкин сжал, сконденсировал строй синтагм «французского слога» конца XVIII – начала XIX в., сохранив между основными членами предрешированные традицией порядок и соотношение» [Виноградов 1980, 227-228]. И. И. Ковтунова справедливо видит в подобной конденсации смыслов один из источников лаконизма пушкинской прозы. Включение новой информации сразу в тему высказывания приводит к тому, что высказывание заключает в себе «по меньшей мере два сообщения». [Ковтунова 1979, 265] По мнению С. А. Крылова, «называть такие ИГ тематическими значит смешивать тему с препозитивным расположением синтагмы, что нежелательно»... Для русской разговорной речи высказывания такого типа нехарактерны. «Безударное» прочтение препозитивных ИГ со значением неопределенности воспринимается как галлицизм» [Крылов 1997, 263]. В этих случаях, считает С. А. Крылов, следует говорить об особом стилистическом приеме – экспозиции, состоящем в вынесении в начало текста «фрагмента, содержащего действительски заданную (и, стало быть, определенную) ИГ. Мотивом такого экспонирования является желание произвести эффект наглядности, непосредственного присутствия в ситуации» [ibid. 262]

В итальянском тексте, как мы видели, подобный эффект удается передать далеко не всегда. Во-первых, тематическое дополнение не может здесь в несегментированных высказываниях находить-

ся в препозиции к сказуемому. Во-вторых, хотя в итальянском языке, как и в русском, имя с неопределенным референтным статусом в роли подлежащего может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к сказуемому, в итальянском чаще предпочитается отмечать новизну обозначенного подлежащим понятия, помещая его в постпозицию, тогда как для пушкинского текста характерен прямой порядок слов с препозицией имени.

5. Галлицизмы в оригинале и в переводах

5.1. Отдельно следует отметить случаи, когда галлицизмы Пушкина точно воспроизводятся в переводах, что устраняет некоторую архаичность оригинального текста. Ср.:

Как зовут этот мост?

На этот пример обращает внимание Д. О. Добровольский, по мнению которого в данном случае нельзя однозначно сказать, следует ли рассматривать изменения в узусе с точки зрения лексической или с точки зрения семантической сочетаемости. В первом случае невозможное для современного узуса сочетание глагола *звать/зваться* с неодушевленными существительными рассматривается в ряду других заимствованных конструкций, которые допускали варьирование в более широком диапазоне, чем это допустимо в настоящее время. При втором подходе изменение узуса следует интерпретировать как произошедшее со временем закрепление в русском языке за синонимичной парой *звать/зваться* – *называть/ся* преимущественного употребления соответственно с классами одушевленных / неодушевленных имен [Добровольский 2001, 166]. В итальянском языке подобная дифференциация по признаку одушевленности/неодушевленности отсутствует, и единственная лексема *chiamarsi*, присоединяет субъектный актанта безотносительно его принадлежности к определенному семантическому классу, что устраняет «нестандартность» конструкции по сравнению с оригиналом. Ср.: *Come si chiama questo ponte?* (1,2,3,4,5,6,7,8)

5.2. Второй замеченный случай комбинаторной аномалии с точки зрения современного узуса касается употребления предлога *в* со словом *улица*, что является абсолютно нормативным как для французского, так и для итальянского языков:

очутился он в одной из главных улиц Петербурга
...si trovò (capitò) in una delle vie principali di Pietroburgo. (1,2,3, 4,5,6,7,8)

Как влияние французской речи можно рассматривать и сохранение субъекта в двух смежных предложениях с помощью прямопереходного глагола *находить*:

На другой день она велела позвать мужа, надеясь, что домашнее наказание над ним подействовало, но нашла его непоколебимым.

Для русского текста более характерна смена Субъекта – Темы: (ср.: она велела позвать мужа ..., но он был непоколебим). Для итальянского синтаксиса такая конструкция естественна, что демонстрирует единодушный выбор переводчиков:

Il giorno dopo fece chiamare (ordinò di chiamare) il marito, sperando che la punizione domestica (domestico castigo) avesse avuto effetto (avesse operato su lui/ avesse agito su di lui), ma lo trovò irremovibile (incrollabile). (1,2,3,4,5,6,7,8)

Введение дополнительного предиката является в итальянском тексте одним из способов обеспечения синтаксической связности. Другим источником связи в итальянском тексте являются союзы. Сравнение переводов показывает, что и в этой зоне наблюдаются определенные расхождения с русским языком.

6. Трансформации в области синтаксических связей

6.1. Логические формы синтаксической связи играют в структуре повествовательного стиля Пушкина особую роль. Специфика логических связей в «Пиковой даме» заключается в том, что они опираются не на выраженные формально отношения, а на устраненные повествователем, лишь подразумеваемые смысловые звенья, благодаря которым становится возможным соединение разных фрагментов. Называя такие конструкции «присоединительными», «открытыми», В. В. Виноградов отмечает, что их части «не уместаются в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное, хотя сложное представление, но образуют цепь последовательных присоединений, смысловое соотношение которых не усматривается из союзов, а выводится из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений синтагм» [Виноградов

1980, 233]. Отметим, однако, что эти особенности не являются исключительно чертой идеостиля Пушкина, но в целом характерны для речевой нормы русского языка и отличаются от норм, принятых в итальянском [см. Govoruchio 2001]. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Для выражения связи между процессами итальянский и русский языки используют различные средства. Итальянский текст характеризуется большей слитностью предикативных центров, то есть при переводе с русского на итальянский наблюдается переход на более высокий уровень синтаксической связности. В русских примерах отсутствие союза можно считать стилистической особенностью пушкинской прозы. Тем более показательно появление союза в итальянском варианте, который в других случаях буквально повторяет оригинал. Именно это позволяет предположить, что присутствие союза в данном случае является нормой речи.

6.2. Бессоюзная связь в русском тексте заменяется в переводе на подчинительную. Пушкинский текст часто представляет собой смену коротких глагольных предложений с предикатами в форме прошедшего времени совершенного вида. Это – перечисление действий, а точнее определенных ситуаций, которые, однако, не обязательно находятся между собой в отношении сукцессивности [см. Пospelov 1953, 182-183].

В то самое время, как два лакея приподняли старуху и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера; он схватил ее руку; она не могла опомниться от испугу, молодой человек исчез: письмо осталось в ее руке.

Такое бессоюзное нанизывание предложений нехарактерно для итальянского языка, показательно, что вторая часть сложного периода, состоящая из четырех двусоставных предложений не воспроизводится ни в одном из восьми переводов. В трех случаях появляется сочинительный союз *e*, точно разбивающий синтаксический ряд на две симметричные части: появление Германна и произведенный им эффект, исчезновение Германна и его результат. Ср.:

Nello stesso momento in cui due lacchè sollevavano la vecchia e la ficcavan dentro lo sportello, Lizaveta Ivanovna proprio accosto alla ruota vide il suo ufficiale del genio; egli le prese la mano; lei non poté

riaversi dallo spavento, e il giovanotto scomparve: nella mano di lei rimase una lettera. (1) ... egli le afferrò la mano; ella non fece in tempo a riaversi dallo spavento e il giovane scomparve; una lettera le rimase in mano. (4)... egli le afferrò la mano; ella non poteva rimettersi dallo spavento, e il giovane era scomparso: una lettera era rimasta nella mano di lei. (5)

Ещё в одном переводе сочинительный союз присоединяет последнюю клаузу:

Egli le afferrò la mano: Liza perse la testa per lo spavento, il giovane sparì e una lettera rimase nella mano della ragazza. (2)

Другим способом иерархизации итальянского текста является введение подчинительного союза *che* с диффузным темпоральным значением:

... ella non poté riaversi dallo spavento, che il giovanotto era scomparso. Una lettera le era rimasta in mano. (8)

В одном случае подчинительная связь устанавливается дважды: с помощью относительного местоимения *che*, вводящего придаточное определительное, а также подчинительного союза *che* с темпоральным значением:

... Lizaveta Ivanovna vide accanto alla ruota il suo ufficiale del genio, che le afferrò la mano. Lizaveta Ivanovna non fece in tempo a riaversi dallo spavento che il giovane scomparve: le rimase in mano una lettera. (6)

Наконец, в двух переводах (4) вводится временной союз *prima che*:

...egli le afferrò la mano e prima che lei potesse riaversi dallo spavento, il giovane era scomparso: in mano le restò una lettera. (4)

Lizaveta Ivanovna scorse ... il suo ufficiale, che le prese la mano; e prima che ella potesse rinvenire dallo spavento il giovane era scomparso, ma le restava in mano una lettera. (3)

Иерархичность описания ситуации проявляется в таксисной организации итальянского фрагмента, где глаголы стоят в простом перфекте, имперфекте конъюнктива (после подчинительного союза *prima che* – прежде чем) и плюсквамперфекте, то есть паратаксис русского текста сменяется гипотаксисом. В оригинале чередование коротких глагольных фраз, связанных бессоюзно, задает определенный ритм и является средством раскрытия переживаний героини,

вся сцена показана её глазами. В итальянском переводе эта внутренняя драматичность, напряженность текста уступает место логически упорядоченной повествовательности.

6.3. Внутри союзных форм связи русский текст предпочитает сочинение, а итальянский – подчинение. В следующем примере имплицитное условие, выраженное в оригинале сочинительным союзом *и* со значением следствия, в трех итальянских переводах заменяется на эксплицитный условный период, такой же как и в предшествующей пушкинской фразе:

[Коли вы найдете кого в передней, то вы спросите, дома ли графиня.] Вам скажут нет, – и делать нечего. Вы должны будете воротиться.

[Se troverete qualcuno nell'anticamera, domandategli se la contessa è in casa.] Se vi diranno di no, non c'è (non ci sarà) nulla da fare. Dovrete tornare indietro. (1,6,7)

В двух переводах появление коннектора *allora* во второй части условного периода – еще одна возможность подчеркнуть аргументативную составляющую в итальянском тексте:

Vi diranno di no, e allora non c'è che fare (non c'è niente da fare), tornerete (vi converrà tornarvene) indietro. (3,5)

Наконец, в трех случаях структура оригинала сохраняется:

Vi (Le) diranno di no, e non ci sarà che fare (pazienza), ve ne dovrete (dovrà) (voi dovrete) tornare indietro. (2,4,8)

6.4. Характерным приемом при переводе с русского языка на итальянский является также иерархизация однородных сказуемых, которые в целом не частотны в итальянской речи. При описании нескольких действий или процессов для русского текста характерно представлять их как равноправные – с помощью однородных членов, связанных сочинительными союзами или бессоюзно. Итальянский язык предпочитает при этом заменять один или несколько элементов на подчиненную конструкцию, используя причастные и деепричастные обороты, предложные сочетания, подчинительные конструкции. Особенно часто это происходит в тех случаях, когда между предикатами существует определенная смысловая иерархия (ср. имплицитное значение следствия):

Лизавета Ивановна на сей раз отвечала наобум и невпопад и рассердила графиню.

Lisaveta Ivanovna questa volta *rispondeva* a casaccio e a sproposito, *facendo arrabbiare* la contessa. (7) Lizaveta Ivanovna rispondeva quel giorno *tanto* a casaccio e a sproposito, *che* la contessa da ultimo s'arrabbio: ... (3) Lisaveta Ivanovna quella volta rispose (rispondeva) a casaccio e fuor di proposito (a vanvera e a sproposito), e *fece incollerire* (arrabbiare) la contessa. (1,5, 8) Lisaveta Ivanovna quella volta rispondeva a casaccio e a sproposito e *la cosa* irritò la contessa. (6) Questa volta Lizaveta Ivanovna (la fanciulla) rispondeva a vanvera e a sproposito (a casaccio) e *finì con* l'irritar (per inquietare) la contessa. (2, 4)

Однако подобная трансформация в подчинительную полупредикативную конструкцию невозможна в итальянском тексте в том случае, если подчеркивается строго последовательный характер действий:

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу *e* стала глядеть в окно.

Lizaveta Ivanovna rimase sola: lasciò (stare) (depose) (abbandonò) il lavoro *e* si mise (cominciò) a guardare alla (dalla) finestra. (1,2,3,4,5,6,7,8)

6.5. Второй пропозициональный компонент в предложении с однородными сказуемыми может выражать параллельное действие. Так, инфинитив глагола действия в соединении с личной формой глагола со значением положения в пространстве (*stare, stare, sedere*) часто оформляются в итальянском языке в виде конструкций с целевым значением с предлогом *a*, где инфинитив является своеобразным дополнением:

... а до пяти часов *siede* с нами и *guarda* на нашу игру!

E se ne sta con noi fino alle cinque *e* ci guarda giocare (guarda il nostro gioco)! (1,7,8)

E se ne sta (qui seduto) con noi fino alle cinque (del mattino) *a* guardare il nostro gioco (a guardarci / vederci giocare!). (2,3,4,5,6)

В трех переводах сохраняется структура русской фразы, а в пяти гипотаксис заменяется паратаксисом.

6.6. Ещё одна возможность иерархизации – замена второго сказуемого на относительное придаточное с пояснительным значением. Ср.:

В сердце его отозвалось нечто похожее на отгрызение совести

и снова умолкло.

In cuor suo sentì qualcosa di simile a un rimorso che poi si spense. (7)

Кроме того однородные сказуемые могут быть противопоставлены внутри сочинения, путем экспликации противительных отношений:

Nel cuore avvertì (si fece sentire) (si agitò) qualcosa (alcunché) di simile al rimorso (al morso della coscienza), ma tacque subito (non fu che un momento) (solo per un attimo). (2,3,4,6)

Поскольку иерархизация отношений является лишь приоритетной речевой стратегией, ожидаемым решением остается и точное повторение синтаксической структуры оригинала:

Nel (suo) cuore di lui si fece sentire qualcosa di simile a un rimorso di coscienza e tornò a tacere (tacque di nuovo). (1,5,8)

6.7. Особо следует рассмотреть конструкции с двумя однородными обстоятельствами, которые находятся в отношениях включения. Например, часть может определяться через целое, то есть отношения между частью и целым сводимы к отношениям определительного, притяжательного характера:

В спальне у старой графини

В итальянском языке, как правило, такие конструкции принимают форму обстоятельства с определением, причем в определение превращается Посессор. Ср.:

Nella (in) camera (stanza) da letto della vecchia contessa (1,2,3,4,5,6,7,8)

Если в русском тексте можно опустить каждое из обстоятельств, не нарушив при этом общей структуры и связности высказывания, то в итальянском переводе такая процедура невозможна.

7. Эксплицитность модуса пропозициональной установки

Итальянский текст как текст преимущественно иерархического типа отличается стремлением к экспликации различных элементов модуса, в то время как в русском тексте предпочтение отдается имплицитному модусу и часты случаи нерасчленения модуса и диктума, а модальность высказывания может выражаться с помощью синтаксически независимых модальных слов. Так, в итальянском тексте зависимость диктума от модуса значительно чаще, чем в русском,

эксплицитно выражается с помощью глаголов пропозициональной установки [см. Говорухо 2006]. Ср.:

Германн принял её за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести её в такую пору.

Придаточное предложение в данном примере представляет собой автономное высказывание с самостоятельной интонацией и в этом смысле отличается от обычного диктального дополнения. Такое «свободное» соединение предложений не характерно для итальянского языка, и поэтому в половине переводов появляется дополнительный глагол пропозициональной установки *domandarsi / chiedersi*:

Hermann la prese per la sua vecchia balia, e si stupì, domandandosi che cosa potesse averla condotta lì a quell'ora (in quel momento). (1,7)

Ghermann la scambiò per la sua vecchia nutrice (governante) e si domandò (si chiese) stupito, che cosa (mai) potesse condurla (cercare) a quell'ora. (2,5)

Характерно, что глагол *domandarsi* в смысловом отношении может быть как на первом плане (личная форма в переводах 2,5), так и обозначать второстепенное в коммуникативном отношении действие (герундий в переводах 1,7), но он всегда вводит подчиненную предикацию, то есть в первую очередь является структурным, строевым элементом, обеспечивающим большую формальную связность и иерархичность итальянского текста. При отсутствии глагола пропозициональной установки фраза оформляется в итальянском тексте как содержащая несобственно-прямую речь (внутренний монолог героя) как интонационно, так и пунктуационно. Ср.:

Hermann la prese per la sua vecchia nutrice (si meravigliò): ma che cosa poteva condurla (averla condotta) là a quell'ora (una tale ora)? (3, 4)

Hermann pensò che fosse la sua nutrice e si meravigliò Ø, che cosa l'aveva mai spinta a venire lì... (6)

Другой дискурсивной стратегией является введение антецедента и трансформация вопроса в утверждение – придаточное дополнительное:

Germann la prese per la sua vecchia nutrice e si stupì che qualcosa potesse averla portata lì a quell'ora. (8)

8. Экспликация скрытой предикативности

Для итальянского текста как для текста иерархического типа характерно отнесение высказывания к действительности при помощи грамматических средств языка, в том числе с помощью глагольных форм.

8.1. В русском тексте такие глаголы могут присутствовать лишь в глубинной структуре, в поверхностной же структуре может быть, например, лишь предлог, обладающий скрытой предикативностью:

В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: *справа в* кабинет, куда графиня никогда не входит; *слева в* коридор ...

Эллиптичность русского текста не может быть передана в итальянских переводах, где в обязательном порядке должен присутствовать глагол в личной форме:

Nella camera (stanza) da letto, dietro il paravento vedrete due piccole porte: *quella di destra dà* in uno studio (su un gabinetto), dove (nel quale) la contessa non entra mai; *quella di sinistra* in (su) un corridoio ... (1,4,5,7,8)

... *quella di destra porta* allo studio, dove la contessa non entra mai; *quella di sinistra porta* nel corridoio ... (6) ... *quella di destra mette* in uno stanzino dove la contessa non va mai; *quella di sinistra si apre* su... (2) ... *da destra s'accede* a un gabinetto dove la contessa non entra mai; *da manca* a un corridoio... (3)

Замена предложной группы на глагольное выражение может быть связана с предикативным характером имени существительного:

Grand'maman, я к вам с просьбой.

В данном высказывании максимально восстанавливаются два предиката: первый – при переводе фразы с эллипсисом *я к вам*, а второй эксплицирует предикативное сочетание *с просьбой*. Ср.:

Sono *venuto* (da voi) a *chiedervi* un piacere (un favore). (2,7) *Vengo* a *chiedervi* un piacere. (1)

Интересно, что вариант (5), полностью сохраняющий структуру оригинала, признается носителями языка наименее естественным: *Son da voi con una preghiera.* (5) Другими вариантами являются глаголы движения и перемещения:

Vengo da voi con una preghiera. (3) *Grand'maman, le porto* una supplica. (8)

Ещё одна возможность – выбор в качестве первого предиката

модального глагола, либо – глагольного выражения с модальным значением:

Devo rivolgervi una preghiera. (6) *Grand'maman, ho da rivolgervi una preghiera.* (4)

8.2. Необходимость введения дополнительного предиката может быть связана с валентностью глагола. Так, глагол *посылать за кем-либо* включает целевую составляющую, которая в обязательном порядке эксплицируется при переводе на итальянский язык:

... графиня *послала за нею* ... *La contessa l'aveva (già) mandata a chiamare* (1,7)

...che già la contessa *aveva mandato a chiamarla* (5) che già la contessa *la (ri)mandava a (ri)chiamare* (3) (4) (8) quando la contessa *la mandò a chiamare* di nuovo (2) ...che già la contessa *la chiamava* (6)

В последнем примере устранение целевой подчинительной конструкции достигается благодаря семантическому сокращению.

8.3. Скрытая предикативность может присутствовать и в определенных лексемах. Ср.:

Германн стал ходить около *опустевшего* дома.

Определение *опустевший* содержит указание на результат процесса, который эксплицируется в итальянском тексте:

Hermann si mise a camminare lungo (attorno, vicino) alla casa fattasi deserta (che si era svuotata / che s'era vuotata). (1,5,6,)

В следующих примерах с одной стороны наречия временного значения *ora / ormai* выполняет внутритекстовую функцию, являясь аналитическим эквивалентом приставочной деривации (*пустой – опустевший*).

Hermann cominciò a camminare (girare) lungo (su e giù davanti a) (andar su e giù presso) la casa ora (ormai) deserta (vuota) (2,4,7,8)

С другой стороны, деиктики *ora 'сейчас', ormai 'теперь уже'* способствуют показу всей сцены изнутри, глазами Германна, а также приближают читателя к миру героя. В одном переводе предикативное определение опускается:

Hermann si aggirava attorno alla casa ∅; (3)

8.4. Некоторые русские наречия представляют собой синтаксические обстоятельства, которые в переводе могут быть развернуты в придаточное предложение. Это наиболее характерно для тех слу-

чаев, когда обстоятельство находится в реме высказывания. Ср.:

Он проснулся уже ночью... – Si svegliò che era (ch'era) (già) notte (1, 2, 3, 4, 5, 7, 8)

Quando si svegliò era ancora notte (6)

В итальянском языке есть наречие *di notte*, но оно, как правило, не соотносится с конкретной денотативной ситуацией, а имеет значение 'в течение ночи' и скорее употребляется в либо в высказываниях общего характера (*Di notte tutti i gatti sono neri*), либо при указании на повторяющиеся ситуации (*Lavorava di notte*).

Некоторые выводы

Исследование внутритекстовых синтаксических связей остается важной проблемой при изучении текстов на разных языках. Речь идет о связи между словами внутри простого предложения, между простыми предложениями, сложными синтаксическими целыми внутри абзаца, и, наконец – о связи между абзацами. Ценным источником для сопоставления «внутреннего механизма» подобных связей могут быть переводы. Анализ повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» и её восьми переводов на итальянский язык показал, что синтаксический параллелизм, экспрессивная напряженность оригинала в переводах часто отсутствует, а «диалогичность», при которой слышатся голоса героев и автора, заменяется на объективное отстраненное повествование. Особое значение в русском тексте имеет порядок слов, задающий определенный ритм всему произведению [о ритмической организации «Пиковой дамы» см. Томашевский], который в переводе часто нарушается. В целом сравнение русского оригинала и переводов показывает, что наличие в двух языках функционально схожих синтаксических форм и средств связи не означает, что говорящие и пишущие используют их одинаковым образом. Сложность произведения Пушкина контрастирует с простотой и афористичностью его стиля, но это не всегда возможно передать на языке перевода, ориентирующемся на гипотаксис. Пушкинский текст отличается неявным характером связей между частями, что часто вступает в противоречие с речевой нормой итальянского языка, в соответствии с которой развертывание синтагматических связей иерархически организует элементы сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С.176-249.
- Гак В. Г. Язык Пушкина и французский язык // Вопросы языкознания. 2000, №2. С. 79-89.
- Говорухо Р. А. Эксплицитность модуса пропозициональной установки в итальянском языке // Вопросы филологии 2006, №2. С. 24-32.
- Добровольский Д. О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словопотребление) // Русский язык в научном освещении 2001, №1. С.161-178.
- Карданова Н. Б. Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на итальянский язык // Московский пушкинист, М., 1999. С. 405-421.
- Ковтунова И. И. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979. С. 262-275.
- Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика, вып. 35. М., 1997. С. 244-272.
- Меерсон О., Микаэлян И. Почему Германн решил пойти на похороны графини: об одном случае употребления глагола иметь // Известия АН. Серия литературы и языка, 2003, том 62, № 6. С. 38-45.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
- Поспелов Н. С. Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина // Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3, М., 1953. С. 176-199.
- Пушкин А. С. Пиковая дама. Сочинения в 3-х т. Т.3. Проза. М., 1986. С. 188-211.
- Томашевский Б. В. Ритм прозы (по «Пиковой даме») // О стихе. Л., 1929. С. 254-319.
- Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т.1. СПб., 1996.
- Govoruchio R. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo. // Studi di grammatica italiana, Firenze, Accademia della Crusca, 2001. P. 53-67.
- Govoruchio R. La ripresa anaforica in russo e in italiano: sintassi e pragmatica // L'analisi linguistica e letteraria. 2003, XI, 2. P. 614-644.

Grande grammatica italiana di consultazione / a cura di L. Renzi. Vol. I. Bologna: Il Mulino, 1988

Henry H. Les traductions en français de La Dame de Pique // *Revue des Etudes Slaves* 1987. Vol. 59, 1-2. P. 277-284.

Puškin A. S. La donna di picche / a cura di Clara Strada Janovic: Marsilio, 1998.

Puškin A. S. La donna di picche. Trad. di Silvio Polledro: BUR, 1999

Puškin A. S. Donna di picche. // Aleksandr Puškin. Donna di picche. Racconti di Belkin. La figlia del capitano. Trad. di Rosa Molteni Grieco: Alberto Peruzzo editore, 1985. P. 1-30.

Puškin A. S. La donna di picche. // A. Puškin. Opere. Trad. di Leone Ginzburg : Mondadori 1990. P.775-805.

Puškin A.S. La donna di picche. // La figlia del capitano di Alessandro Pushkin /a cura di Bruno Del Re: Bompiani 1942, 217-259.

Puškin A.S. Romanzi e racconti. Trad. di Ettore Lo Gatto: Garzanti 1986. P. 215- 239.

Aleksandr Puškin. La dama di picche e altri racconti. Trad. di Tommaso Landolfi: Adelphi edizioni, 2006. P. 45-86.

Aleksandr S. Puškin. Umili prose. Traduzione e cura di Paolo Nori : Feltrinelli 2006. P. 83-113.